

"Шанхай" на Таможенной

Осень еще не вступила в свои права. Солнце ласкало своими последними теплыми лучами начавшую готовиться к холодам землю. Пожухли травы, а в море по-прежнему резвилась ребятня да запоздалые курортники. Прогуливаясь по парку или во дворе, приходилось то и дело снимать с лица прозрачную паутину как признак прошедшего лета.

Позавтракав, я заранее выходил из дому, чтобы насладиться утренней свежестью. Улицы, по которым я пробирался в порт, были умыты ночным дождем, и воробьи купались в небольших лужах, стряхивая с себя прозрачные, как бриллианты, капли воды. Спустившись по знакомым улицам и небольшим переулкам к порту, на Таможенную площадь, я оказывался возле нагроможденной массы небольших лотков, киосков, где в те времена бойко торговали сигаретами, мороженым и из-под полы, для своих, спиртным. Увидев меня, продавцы выгоняли из киосков не успевших похмелиться со словами:

— Шухер, девки, управляющий идет.

Да я и сам, для того чтобы не смущать постояльцев и не попасть в нештатную ситуацию, почти никогда без нужды не подходил к "Шанхаю". Надо сказать, что вид этих небольших палаток действительно был затрапезный, и мне частенько доставалось от руководства, но они прилепились к самой стене одесского порта, где всегда толпилась масса моряков, докеров, алкашей, проституток и прочего люмпена. Не случайно это место называли "Шанхаем". Это нестандартное торговое формирование перевыполняло план товарооборота, и не считаться с этим единственным достоинством я не мог. По вечерам на лавочках возле памятника Вакуленчуку устраивались проститутки, поджидая своих клиентов. Здесь же курсировали такси, исполняя роль бардака на колесах, за что девушки щедро платили чаевые. Я говорю "девушки", — некоторым из них перевалило за пятьдесят, но ночью все кошки серые, а с пьяных глаз наши девицы уходили за первый сорт.

Первый удар по безнравственности нанес в те времена заместитель начальника порта Анатолий Григорьевич Фомин. Он срезал скамейки, за что был постоянно руган не руководством, а девушками древней профессии. Со временем и меня заставили снести "Шанхай" на горе лоточникам, проституткам, алкашам и крысам, нашедшим себе приют под деревянными полами киосков. Но как бы ни уничтожали мебель, — цитадель

растленности уничтожить не удалось до сегодняшнего дня, спустя тридцать лет. Хотя мы сегодня стали скромнее, и не утверждаем, что у нас в государстве отсутствуют такие профессии и явления.

Здесь, на Таможенной площади, находилась моя контора "Торгмортранс", а я был тогда еще совсем молодым управляющим. У подъезда в контору уже стояла служебная "Волга". Это теперь я на автомобиле езжу в туалет и за хлебом. Тогда удовольствием было прогуляться пешком. Встретить доброго знакомого, сослуживца, перебраться парой приятных слов. Как жаль, что подобная блажь посещает меня все реже.

Вот раздается певучий голос: "Дровишки, дровишки!". Скромный, застенчивый пьяница, получивший по профессии заслуженную погремуху "Коля Дровишки". Когда удавалось продать небольшую вязанку дров, он здесь же, не отходя от кассы, пропивал их со своей женой, старой цыганкой. Если не было покупателей, он устраивался на овощном ящике с балалайкой и целый день шпарил полублатные песенки, потешая местную публику и проходивших моряков. За что получал вознаграждение в виде ста граммов водки и бутерброда. Позднее в дома пришел газ, Коля перебрался в подземный переход на пересечении улиц Дерибасовской и Преображенской. Встречал меня улыбкой, потому что я ему как старому знакомому давал три рубля, которых почти хватало на бутылку водки. На этом пяточке могли побузить подвыпившие моряки, в скверике до хрипоты пикировались фаны, убеждая, что "Черноморец" — лучшая команда в мире. Да это при желании можно было доказать. Рядом, в конторке, директором "Буревестника" работал известный футболист одесского довоенного "Пищевика" Анатолий Левицкий. Я много лет служил Гермесу, но честнее и порядочнее, чем он, человека в торговле не встречал. У нас, в одесской конторе "Торгмортранс", инструктором по спорту работал замечательный футболист "Черноморца" Сергей Круликовский.

Наблюдал за порядком на площади и за "Шанхаем" милицейский старшина, тогда еще молодой прыщеватый парень. По некоторым соображениям не могу назвать его фамилию, так как он еще в хорошем состоянии тела и души, дослужился до чина полковника. А тогда собирал с проституток небольшую мзду, а нерадивых в порядке воспитательной работы отправлял в водный отдел милиции. Даже в такой ранний час он стоял на "боевом посту" и приветствовал меня, беря под козырек. Старшина так бы остался старшиной на хлебном месте, если бы ему в голову не пришла однажды шальная дума: стать милицейским офицером. Подобную мысль он высказал начальнику кондитерского цеха Петру Давыдови-

чу Ицковичу. И хотя Петр Давыдович имел к милиции не прямое, а скорее косвенное отношение, как деловар, высказал просьбу старшины генералу Буланенкову. Старшину произвели в младшие лейтенанты и отправили на новый участок работы. Прошло некоторое время, и старшина появился у Петра Давыдовича с новой просьбой, весьма странной, но убедительной. Нельзя ли походатайствовать, чтобы его снова понизили в звании и чине, но вернули на прежнее место работы, так как в результате повышения он совершенно потерял бакшиш.

— Вот этого я делать и не умею, — сказал Петр Давыдович. — Повысить — пожалуйста.

Необходимо отметить, что сегодня все реже встречаешь таких людей, как Петя Ицкович. Он был настоящий альтруист. Все, кто бы ни обращался к нему, находили соучастие и сочувствие. Независимо от звания или должности. Проходил юродивый попрошайка — он давал ему пару пирожных и рубль на хлеб. Проверяющим чинам — мзду по тайным нормам. Друзья, дружеская компания — и щедро накрытый стол. Он знал себе цену и никогда не заискивал перед начальством. Однажды я посетил цех, мы сидели с Ицковичем в небольшой конторке. Постучав, вошел начальник УВД Буланенков. Я поднялся, но Василий Тимофеевич смутился и сказал:

- Петр Давыдович, я заскочу к тебе как-нибудь в следующий раз.
- Василий Тимофеевич, заходи, здесь все свои, это наш управляющий.
- Да я вижу. Возможно, у вас неотложные дела.
- Срочных дел никаких нет.

Надо отдать должное Буланенкову, несмотря на свои генеральские погоны он был скромн и доступен. Сегодня это большая редкость среди людей этой категории. Мы перебросились несколькими словами, но наш разговор прервала вошедшая красивая молодая женщина в обычном поварском халате, который не мог скрыть пикантную попку и высокую грудь. Мы с Буланенковым так смутились, при виде красивой женщины растерялись и привстали, как будто не нас обслуживают, а мы. Женщина зашла с подносом, накрытым салфетками. Поставила на стол закуски. Я переглянулся с Буланенковым, ведь день был рабочий, и к тому же санитарная пятница. Многие мои современники помнят, что в этот день после промчавшейся по Одессе холеры ходило по всем предприятиям высокое начальство и за антисанитарию раздавало фитили.

Он махнул рукой:

— Садись, начальник, гулять так гулять, это же не землю копать, у нас с тобой есть еще одно смягчающее обстоятельство — обеденный перерыв.

Мы выпили по рюмке коньяка. Завязалась непринужденная беседа, и Буланенков спросил:

— Петя, вот скажи, говорят, чтобы пирожные были воздушными, в них кладут коньяк, а ты придержишься этой технологии?

— Как тебе не стыдно, Вася, разве я могу спаивать советских пионеров? Пейте лучше вы этот яд.

Все дружно рассмеялись.

Обеденный перерыв закончился, мы покинули гостеприимного хозяина. Но здесь нагрянул с проверкой грозный секретарь обкома Константин Масик. Это был "волкодав", достаточно было небольшой провинности, и у руководителя он забирал партбилет, должность, и тот попадал в опалу. Конечно же, эта процедура проходила в большинстве случаев негласно. Достаточно было телефонного звонка — и клиент по уши в дерьме. Клерки, чиновники, партийные функционеры поменьше рангом набрасывались на жертву с таким рвением, что, казалось, не выполни они указание, наступит конец света, и первыми жертвами ада станут они сами. Это было правило, но бывали и приятные исключения.

Шло заседание бюро горкома партии по неудовлетворительной работе с овощами. Многие помнят: копеечная продукция нашего сельского хозяйства во время массового созревания была на каждом углу. Заслушали доклад председателя комитета народного контроля Ермакова и приступили к "наградам". Ваш покорный слуга и автор этих строчек был упомянут в докладе четыре раза. Видать, проверяющие постарались на славу. Подняли первую жертву, директора Киевского райпищеторга. После непродолжительного объяснения жертвы следует небольшая защитительная речь секретаря райкома, скорее напоминающая панихидную. Секретарь горкома, мужичок с колючими глазками, напоминал хищника, который уже зажал в своих лапах жертву, и кто-то собирается ее вырвать. Следует оплеуха младшему партийцу: "Вы живете историей, а нам нужна современность, — и, не сбавляя тон, следует заключение: — Есть мнение горкома партии: от работы отстранить, из партии исключить". По залу прошелся первый тихий ропот. Жертва на вялых ногах, с трясущимися руками, достает небольшую красную книжицу, на которой теперь иронично значится: "Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи", подходит к "жертвеннику" и медленно опускается, держась за сердце. Диагноз профессиональный: инфаркт миокарда. "Скорая" увозит первого жертвенного барана, а заседание продолжается. Я в ожидании такого вензеля прячусь от глаз секретаря за спиной здорового мужика. Но вот время заседания под-

ходит к концу, а меня не вызывают к "жертвеннику". Такое положение меня уже начинает раздражать. Главное — выдержать первый удар, а потом начинаешь соображать, хуже смерти ничего не бывает. Заседание закончилось, жертвы и судьи начали расходиться, а я никак не мог понять, почему участь жертвы обошла меня. Я так и сидел в оцепенении и раздумье, пока ко мне не подошел и не тронул за плечо зав. отделом Николай Алексеевич Кудин: "Ну, что, Женя, передрефил?". Я не знал, что ему ответить, и только как провинившаяся собачонка смотрел на своего спасителя. Он готовил постановление для секретаря, и мою фамилию в протокол "наград" не внес. Это сегодня потеря красной книжицы кажется пустяком. А в те далекие времена за утерю ее приходилось в полном смысле рассчитывать кровью. В первую очередь, ты надолго оставался без работы. Становился персоной "нон грата" во всех организациях. Позднее мне пришлось пережить эту постыдную процедуру, кару, когда тебе собратья боялись подать руку.

Но вернемся к нашим "баранам". Товарищ Масик нашел небольшие недостатки возле цеха и вызвал Ицковича: "Вы знаете, кто я такой? — начал он с вопроса. И продолжил: — Я второй секретарь обкома Масик", — придавая, таким образом, угрожающий тон своей сентенции. Ицкович, с невозмутимым видом: "Очень приятно, а я еврей Ицкович". Это сегодня еврей — звучит гордо. А в те времена юдофобии и антисемитизма можно было заработать себе массу неприятностей. Не знаю, что давало право Петру Давыдовичу вести себя достойно, но Масик растерялся, предложил перенести в другое место в беспорядке лежащую тару.

К восьми часам я уже находился у себя в кабинете. Звонили телефоны, секретарь Тоня, высокая крепкая девица, едва успевала поднимать то одну, то другую трубку, назначая деловые встречи или же отказывая в них. Первая половина дня была настолько загружена, что я даже не успевал выйти по нужде. В приемной, как правило, толпилась масса народу. В основном это были директора кустов магазинов, столовых, директора комбинатов питания и постоянные просители деликатесов: икра, крабы, сервелат, заморское "пойло", американские сигареты и прочее. Продавалось это добро по низким ценам и, в основном, для чиновников высшего ранга. Конечно же, доставалось и просто моим друзьям. Вся "кухня" называлась "закрытое распределение". Закрытое от пролетария акционерное общество. В общей сложности в конторе работало около двух тысяч человек. Поставки в основном велись из Москвы, и основная масса товара продавалась за свободно конвертируемую валюту. С просьбами обращались все,

в том числе и авантюристы. Вспоминается мне, постоянно пробирался некий "липовый" полковник. Первое время он приходил по форме и в полковничьих погонах. Но потом ему кто-то запретил надевать погоны, права на ношение которых он никогда не имел. Он был фактурный мужик и выдавал себя за бывшего начальника тюрьмы. В разговоре со мной он очень сожалел, что уже не располагает этой должностью, а то бы он мог пристроить меня по блату в самую лучшую солнечную камеру. Я благодарил его за такую любезность, и хотя от тюрьмы не зарекаюсь, к большому сожалению, у меня нет времени сидеть в его тюрьме.

Я продолжу описание быта одесситов. Необходимо отметить, что в магазинах и кафе тех лет было предостаточное количество вин, которые текли рекой во множестве подвальчиков, палаток и кафе. Пока не пришла пора борьбы с пьянством. Лучшие виноградники выкорчевали, и на смену натуральному продукту сначала пришла водка из сомнительных спиртов, позднее химия. А ведь начиналось это новшество в Одессе с безобидного, на первый взгляд, разгрома ментами фирмы "Молдвино" в начале семидесятых годов прошлого столетия. Вот так, вмешиваясь бездумно в любую проблему, порожаем трагедию.

Студенты вообще не утруждали себя вопросом, где взять деньги на выпивку. Они покупали по десятку пирожков с бутером стоимостью по четыре копейки за штуку и шли на Привоз, в винные ряды. Продавцы наперебой предлагали натуральное вино — попробовать маленький стаканчик вместительностью в сто граммов.

Припоминается мне один гротескный случай, который произошел на этой площади. Гицель (человек, который отлавливает бродячих животных) хорошо загрузился спиртным и упал в лужу. Там и оставался лежать в объятиях Морфея. Под охраной небольшой, но преданной собачонки, похожей на лисичку. Двое милиционеров попытались забрать клиента в медвытрезвитель. Но увы, когда один из них протянул руку, чтобы выволочь из лужи алкаша, ему в руку отважно вцепилось лохматое, но не в пример хозяину трезвое существо, бесстрашно кинувшееся на блюстителя порядка. Собралась толпа. Менты даже оставили затею забирать гицеля. Он лежал лицом к земле, хрюкал, пуская грязные пузыри, и мог в любую минуту захлебнуться. Кое-как удалось его перевернуть на спину, и менты удалились под общий хохот зевак, восторгаясь преданной симпатичной шавкой, которая берегла покой своего хозяина до полного его отрезвления.

С тех пор многое изменилось, я не берусь утверждать, что к худшему. Просто людей моего поколения мучает ностальгия, ведь мы были более

чем на тридцать лет моложе, а в молодости свойственно быть беспечным и романтичным. Просто время меняет нас. По словам великого Конфуция, неизменными остаются высшая мудрость и низшая глупость.

Вот и недавно я побывал по делам на Таможенной. Много изменилось с тех пор. Здание моей конторы реконструировано и поблескивает современными витражами. Появились две новые скульптуры, облагорожен въезд, бюро пропусков. На месте "Шанхая" разместился паркинг. Недалеко открылся ресторан "Амстердам". Меня пригласили однажды в него на торжественный вечер. Старая морская привычка — безошибочно определять девушек древней профессии. Я разглядываю подобный экземпляр. Ее лицо кажется мне очень знакомым. Я роюсь в уголках своей памяти. Конечно же, скорее всего, это дочь Машки канавской. Было бы странным, если б дочь проститутки стала музыкальным редактором с зарплатой триста гривень или филологом. Вспоминается мне случай: местные ночные бабочки поймали одну залетную девицу, нарушительницу конвенции, которая втихаря вводила клиентов. Я тогда засомневался в понятиях "слабый" и "прекрасный" пол. Разъяренные проститутки так отделали девицу, что ее, наверное, и мать родная не узнала. И, конечно же, никто не посмел вмешаться в драку проституток. Особенно выделялась среди дерущихся Машка, она, как кувалдой, наносила девице удары, при которых та теряла сознание. Избитую и окровавленную девицу вышвырнули за пределы Таможенной площади и дружно направились к "Шанхаю" отмечать победу.

Конечно же, судьбы не только люмпен-пролетария пролегли через Таможенную. Сотни лет ее топтали ноги известных моряков, докеров и, конечно же, писателей.

Но меня что-то не устраивает. Я сам себя начинаю ругать:

— Старый ты брюзжало, отстал от жизни. Ты злишься, что не сидишь в этом красивом здании, и твоё время безвозвратно ушло.

Нет, мужики, в душе я кричу... Площадь-то осталась, но нет основного, того самого одесского плебса, или простонародья, который и создавал тот неповторимый одесский колорит. И объединяло их всех море. Только здесь можно было стать равным, услышать ту неповторимую, пересыпанную шутками и сленгом речь, выпить бокальчик обычного "жигулевского". Если у тебя нет денег — дадут в долг или угостит приятель. Чем же привлекал "Шанхай"? Да тем, что он не нуждался в имущественном цензе, он был для всех. А кто может воспользоваться блеском современного "Амстердама"? Единицы, и то в приличном прикиде. Никакие современ-

ные прибабасы не смогут заменить место простого человеческого общения, пусть даже в антисанитарных условиях. Если говорить о сегодняшних дешевых "помойках", так есть большая вероятность, что ваша попойка может закончиться летальным исходом. "Шанхай" мог немного недолить, немного обсчитать, но не напоить тебя гидролизом или еще каким-нибудь дерьмом. Дать почувствовать, что ты не одинок и находишься в родной Одессе.

